

перечисленных видов соответствуют как общие, так и специфические приемы и конструкции. Предложенная классификация базируется на видах юридической деятельности, сопровождающих «жизнь» правовых предписаний, и позволяет под другим углом рассмотреть составляющие юридической техники.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько существенных выводов. Во-первых, термин «юридическая технология» наиболее адекватно отражает суть процедур и способов их осуществления, которые необходимы для совершенства любого вида юридической деятельности.

Во-вторых, «узкий» подход в понимании юридической техники на практике привел к снижению эффективности правоприменительной техники и интерпретационной техники, образованию достаточно широкого спектра проблем, требующих своей разработанности и изучения. В результате чего в последнее время ученые все более серьезное внимание обращают именно на эти составляющие части юридической техники. В настоящий момент прослеживается весьма позитивная тенденция, направленная на осознание крайней необходимости детального и всестороннего исследования правоприменительной и интерпретационной техники, разработке новых средств и приемов, позволяющих совершенствовать правовую материю с момента ее замысла, по всем этапам правоприменения вплоть до утраты силы правовых предписаний.

В-третьих, типологизация видов юридической технологии позволяет систематизировать способы и приемы, применяемые для каждого из видов юридической деятельности, и выявить пробельные области, требующие проведения углубленных и детальных исследований.

В-четвертых, необходимо констатировать, что качество работы с законодательным массивом существенно снижается по причине отсутствия разработанной юридической технологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. д.ю.н., проф., акад. РАЕН и ПАНИ В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.
2. *Малько А.В.* Проблемы теории государства и права. Учебник для вузов. – М., 2001.
3. *Матузова Н.И.* Теория государства и права. Учебник. – М. 2005.
4. *Алексеев С.С.* Общая теория права. Курс лекций в двух томах. – М., 1982. Т. 2. – С. 266.
5. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. – М. 1995.

И.Г. Иванов

ФОРМАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ БАЗОВОГО МНОЖЕСТВА ЕСТЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВЫХ ФОРМАЛИЗМОВ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ТЕКСТОВ

В данной статье рассматривается возможность формально-правового обоснования необходимости и достаточности базового множества естественно-языковых формализмов $M = \{ \mathcal{P}_T, \mathcal{P}_O, \mathcal{P}_Y \}$, сформулированного в предшествующих работах [1–2], для задания декларативно-регулятивных функций в текстах любых нормативно-правовых документов.

Доказать математически необходимость и достаточность использования трех описанных в настоящей главе естественно-языковых формализмов для зада-

ния декларативно-регулятивных функций в текстах любых нормативно-правовых документов, то есть доказать избыточность и полноту предложенного базового множества естественно-языковых формализмов M , – в общем случае не представляется возможным, так как само понятие «любые тексты нормативно-правовых документов» не является достаточно строго формализованным.

Теоретически, в принципе, такое доказательство можно было бы сделать простым перебором всех существующих текстов нормативно-правовых документов с проверкой каждого из них на сводимость к канонизированной форме представления в виде некоторой эквивалентной совокупности предложений из базового множества естественно-языковых формализмов $M = \{P_H, P_O, P_V\}$. Вполне очевидно, что с практической точки зрения такой подход к доказательству полноты множества M нереализуем. Анализируя возможность аналитического (непереборного) варианта математического доказательства, можно утверждать, что данное доказательство могло бы быть сформулировано только в том случае, если бы удалось каким-то образом аналитически задать формально-логические критерии, позволяющие характеристически описать «множество всех текстов нормативно-правовых документов».

Вместе с тем возможно привести содержательное обоснование необходимости и достаточности базового множества естественно-языковых формализмов M^* естественно-языковых формализмов для задания декларативно-регулятивных функций, содержащихся в текстах любых нормативно-правовых документов, опираясь на принятые в теории права принципы анализа и классификации содержания нормативно-правовых документов.

В теории права под нормативно-правовым документом понимается официальный документ, принятый уполномоченным на то государственным органом или должностным лицом, являющийся источником права и содержащий *нормы права* – то есть обязательные правила поведения, регулирующие общественные отношения, обеспеченные принудительной силой государства и принятые уполномоченными на то государственными органами или должностными лицами. К нормативно-правовым документам в теории права относят все нормативно-правовые акты и договоры нормативного содержания.

В дальнейшем при обосновании достаточности предлагаемого множества естественно-языковых формализмов $M = \{P_H, P_O, P_V\}$ для задания декларативно-регулятивных функций в текстах любых нормативно-правовых документов будут рассматриваться только нормативно-правовые акты. Делается это, во-первых, по причине их подавляющего большинства среди всего множества нормативно-правовых документов и, вследствие этого, являющихся более изученными, а, во-вторых, учитывая тот факт, что основным и единственным существенным различием между нормативно-правовыми актами и договорами нормативного содержания является процедура их принятия, которая не влияет как на структуру, так и на стиль и форму изложения нормативных текстов, содержащихся в данных нормативно-правовых документах.

С позиции теории права, любой нормативно-правовой акт (как и, соответственно, любой нормативно-правовой документ) состоит из двух обязательных элементов: реквизитов данного акта и его нормативного текста; а также из одного необязательного элемента – введения (или преамбулы) [3–5]. Рассмотрим поочередно все эти три элемента, в совокупности составляющих нормативно-правовой акт.

К реквизитам нормативно-правовых актов относят: название, указание на орган или должностное лицо, его принявшее, дату и место принятия, регистрационный номер [3–5]. С точки зрения теории права целью реквизитов любого нормативно-правового акта является указание на юридический статус норм права, содержа-

щихся в данном акте, в рамках системы права. Однако, с позиции формального анализа нормативно-регулятивных функций, содержащихся в нормативно-правовых документах, реквизиты не являются текстом рассматриваемых нормативно-правовых документов, а являются юридическими характеристиками содержащихся в них правовых норм. Следовательно, реквизиты не содержат в себе нормативно-регулятивных функций и не могут являться объектом формализации в процессе приведения текстов нормативно-правовых документов к канонизированной форме.

При переходе к рассмотрению преамбулы, как составной части нормативно-правовых актов (или документов), возникает необходимость в ответе на вопрос: является ли преамбула и относимые к ней предложения нормативно-правового акта, содержащие нормы-принципы и нормы-цели, текстом нормативно-правовых актов? Для решения этого вопроса необходимо выполнить две задачи: сформулировать то толкование понятия «*текст нормативно-правового документа*», которое будет использоваться в рамках данной работы, и рассмотреть роль, выполняемую преамбулами в нормативно-правовых документах.

В настоящее время существует два основных подхода к толкованию понятия «текст»: «широкое», где под понятием «текст» подразумевается «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой является связность и целостность» [6]; и «узкое», где под понятием «текст» подразумевается «основной материал какого-либо сочинения, документа в отличие от примечаний, комментариев к нему» [7]. Исходя из того, что целью данной работы является формально-логическое исследование нормативно-регулятивных функций, регулирующих деятельность субъектов правоотношений, более целесообразным является использование «узкого» подхода к толкованию понятия «текст» при формулировании понятия «текст нормативно-правового документа». Следовательно, под понятием «текст нормативно-правового документа» в рамках данной работы будет пониматься только множество предложений, направленных на урегулирование общественных отношений, без учёта комментариев и социально-политических обоснований.

Основной целью преамбулы, как части нормативно-правового акта, является отображение политической воли законодателя, побудившей его к принятию данного нормативно-правового акта. Из вышесказанного следует, что преамбула, в рамках принятого в данной работе толкования понятия «текст», не является текстом нормативно-правового акта и не содержит нормативно-регулятивные функции, а является своеобразным комментарием законодателя, предназначенным для обоснования целей принятия данного акта и помощи правоприменителям в процессе его толкования.

С позиции теории права, основным обязательным элементом нормативно-правовых документов является нормативный текст, то есть текст, состоящий только из норм права и не из чего более. Следовательно, для того чтобы обосновать достаточность применения предлагаемого множества естественно-языковых формализмов $M = \{ P_{II}, P_O, P_Y \}$ для задания декларативно-регулятивных функций в текстах любых нормативно-правовых документов, необходимо доказать, что к множеству естественно-языковых формализмов M можно привести всё множество существующих норм права. Для этого необходимо проанализировать существующие в теории права подходы к классификации норм права и установить строгое соответствие между различными типами естественно-языковых формализмов из множества M и всеми видами норм права.

Так как общепринятое определение норм права основывается только на обозначении их социального предназначения и формулировке их общественно-значимых функций и не раскрывает внутренней структуры правовой нормы, то

сформировалось два подхода к определению формально-логической структуры нормы права: трехчленная (логическая) структура норм права, состоящая из гипотезы, диспозиции и санкции (если гипотеза, то диспозиция, иначе санкция); и двухчленная (фактическая) структура норм права, состоящая или из гипотезы и диспозиции (если гипотеза, то диспозиция), или из диспозиции и санкции (если не гипотеза, то санкция). Причем, достаточно очевидно, что трехчленная норма права легко приводится к совокупности двух двухчленных правовых норм.

Основной причиной, приведшей к существованию двух вышеуказанных различных взглядов (подходов) на определение внутренней формально-логической структуры норм права, явилась необходимость в определении того, какое из качеств правовых норм является наиболее значимым: удобство восприятия уже сформулированных норм права (трехчленная структура), либо наличие однозначной взаимосвязи с текстами нормативно-правовых документов (двухчленная структура). И постольку основным объектом исследования являются тексты нормативно-правовых документов, то в процессе данного обоснования будут рассматриваться только фактические нормы права, тем более принимая во внимание тот факт, что каждое предложение в нормативно-правовом документе содержит в себе одну фактическую норму [4]. Данный постулат теории права позволяет перейти в процессе обоснования достаточности применения предлагаемого множества естественно-языковых формализмов $M = \{ P_n, P_o, P_y \}$ для задания декларативно-регулятивных функций в текстах любых нормативно-правовых документов от анализа предложений текстов нормативно-правовых документов к анализу содержащихся в данных текстах норм права. Следовательно, достаточно обосновать, что все множество существующих правовых норм сводится к множеству естественно-языковых формализмов M , задающих элементарные декларативно-регулятивные функции побуждающего, определяющего и устанавливающего типов.

В теории права существует достаточно широкий спектр подходов к классификации правовых норм в зависимости критериев, принимаемых за основу при проведении классификации (отраслевой принадлежности, субъектов правотворчества, времени действия и других). Но так как в процессе данного обоснования анализируется соотношение между декларативно-регулятивными функциями и различными видами норм права, следует использовать классификацию норм права, основанную на учете их функциональной роли в механизме правового регулирования. Согласно данной классификации, в зависимости от роли, выполняемой нормами права в процессе регулирования общественных отношений, выделяют два основных (обобщенных) вида норм права: исходные нормы и нормы-правила [3–5].

Исходные нормы права определяют принципы и направления правового регулирования, а также закрепляют правовые категории и понятия. Среди исходных норм права выделяют нормы-декларации и нормы-дефиниции, являющиеся подвидами данного вида норм права.

К нормам-декларациям относятся нормы-цели и нормы-принципы, которые, как правило, сконцентрированы в преамбуле и не являются регулятивным текстом нормативно-правовых документов, а представляют собой комментарии законодателей к основному нормативно-регулятивному тексту нормативно-правовых актов. И хотя в некоторых случаях данный подвида исходных норм права и не сгруппирован в единой части нормативно-правового акта, а разнесен по различным статьям, однако в любом случае, как следует из приведенного выше определения преамбулы, нормы-декларации относятся к преамбуле и, с формально-логической точки зрения, не являются нормативным текстом нормативно-правовых документов и не содержат нормативно-регулятивных функций.

Следующим подвидом исходных норм права являются нормы-дефиниции – «нормы права, дающие определения юридических понятий и категорий». Достаточно очевидно, что, поскольку нормы-дефиниции представляют собой юридически закреплённые определения юридических понятий, данный подвид исходных норм права соответствует декларативно-регулятивной функции нормативного определения и, следовательно, все предложения, содержащие нормы-дефиниции, приводятся к канонической форме предложений определяющего типа \mathcal{P}_O из множества естественно-языковых формализмов M .

Переходя к нормам-правилам, нужно отметить, что они, также как и исходные нормы, подразделяются на подвиды: нормы-расчеты, регулятивные и охранительные нормы.

Нормы-расчеты являются особым подвидом правовых норм и предназначены для задания количественных или качественных нормативно-значимых характеристик субъектов или объектов правоотношений. С позиции формально-логического анализа можно утверждать, что функциональной целью норм-расчетов является нормативное установление конкретных значений нормативно-значимым параметрам соответствующих нормативно-значимых сущностей. Следовательно, предложения нормативно-правовых документов, содержащие нормы-расчеты, реализуют декларативно-регулятивные функции нормативного установления и являются предложениями устанавливающего типа \mathcal{P}_V из множества естественно-языковых формализмов M .

Регулятивные нормы занимают основополагающее положение в процессе нормативно-правового регулирования общественных отношений и составляют большинство среди всего множества правовых норм. Регулятивные нормы содержат описание условий их применения (S), поименование субъектов правоотношений, на которых распространяется действие данных норм (R) и указания на действия (D), которые или могут, или должны, или не должны совершать поименованные в регулятивных нормах субъекты правоотношений R в случае истинности условий S . Достаточно очевидно, что, так как предложения текстов нормативно-правовых документов обладают всеми элементами побуждающих предложений и функционально предназначены для побуждения к правомерным действиям участников правоотношений, то данные предложения реализуют декларативно-регулятивные функции нормативного побуждения и могут быть приведены к канонической форме побуждающего типа \mathcal{P}_H из множества естественно-языковых формализмов M .

Также как и регулятивные нормы, охранительные нормы состоят из описания условий их применения (S), поименование субъектов правоотношений, на которых распространяется действие данных норм (R), и указания на действия (D), которые должны быть применены по отношению к субъектам правоотношений R в случае истинности условий S . Если рассматривать данный подвид норм-правил без учета их социально-воспитательной роли в формировании правомерного поведения участников общественных отношений, а с позиций формально-логического анализа заложенных в них регулятивных функций, то можно считать действия D условно совершаемыми самими субъектами правоотношений R . Следовательно, предложения текста нормативно-правовых документов, содержащие охранительные нормы, также реализуют декларативно-регулятивные функции нормативного побуждения и могут быть приведены к канонической форме побуждающего типа \mathcal{P}_H из множества естественно-языковых формализмов M .

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы: только предложения нормативного текста нормативно-правовых документов содержат декларативно-регулятивные функции; множество естественно-языковых формализ-

мов M является минимально необходимым для задания содержащихся в текстах нормативно-правовых документов декларативно-регулятивных функций; множество естественно-языковых формализмов M является достаточным для задания содержащихся в текстах нормативно-правовых документов декларативно-регулятивных функций. Следовательно, можно утверждать, что предложенное в данной работе множество естественно-языковых формализмов $M = \{ \mathcal{P}_D, \mathcal{P}_O, \mathcal{P}_Y \}$ является минимально необходимым и достаточным для описания содержащихся в любых текстах нормативно-правовых документов декларативно-регулятивных функций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Иванов И.Г., Иванова Е.Г.* Естественно-языковые средства задания нормативно-регулятивных функций / Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Управление в экономических системах». – Таганрог: ТРТУ, 2006. № 10. С. 45–51.
2. *Иванов И.Г., Иванова Е.Г.* О задании функций нормативного регулирования в социальных и технических системах с помощью естественно-языковых формализмов / Материалы первой всероссийской конференции «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации». – М.: МИРЭА, 2006. С. 125–128.
3. *Морозова Л.А.* Теория государства и права. – М.: Эксмо, 2005. 448 с.
4. *Черданцев А.Ф.* Специализация и структура норм права / Правоведение. № 1. 1970.
5. *Алексеев С.С.* Государство и право. – М.: Юридическая литература, 1994. 192 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцева В.И. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 507.
7. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. Кузнецов С.А. – СПб.: Норинт, 2002.

В.А. Жабский

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ

Вопрос о принятии норм государств – членов СНГ, в частности уголовных, нельзя рассматривать без механизма их имплементации (осуществления). В международном праве этот термин приобрел широкое значение, которое, как юридическое понятие, с одной стороны, означает осуществление, выполнение, а глагол «to implement» с английского означает «проводить в жизнь» [1. С. 20], с другой – уже как существующая уголовно-правовая норма или (чаще), вводимая новая норма национально-уголовного закона, адаптируется законодателем во исполнение международного договора [2. С. 193].

По мнению О. Ведерниковой, механизм имплементации норм международного права в национальном законодательстве представляет собой совокупность специальных мер, направленных на реализацию международных обязательств, включающих инкорпорацию, гармонизацию и унификацию международного и национального права [3. С. 12].

Следует отметить, что механизм имплементации не такой уж и простой, как может показаться на первый взгляд, и отношение к ней неадекватно. Так, например, А.М. Иванов и А.Г. Корчагин пишут: «С одной стороны, обращение к иностранному праву расценивается, как пустая трата времени, ... с другой стороны, высказываются опасения искажения собственной правовой системы в результате возможных необоснованных поспешных заимствований из других систем» [4. С. 7]. И